

УДК 329.12

DOI: 10.17223/1998863X/44/9

Л.Г. Фишман

ЖЕРТВА И РЕНТА¹

Статья посвящена трансформации современного социального либерализма, происходящей под воздействием приобретающей все большее влияние в западных обществах «культуры жертвоприношения». Мутация современного социального либерализма заключается в том, что он одновременно считает своих подопечных «страдающими классами» и политическими субъектами, которые обязаны пользоваться статусом жертв для решения своих проблем посредством поиска политической ренты.

Ключевые слова: социальный либерализм, политическая рента, культура жертвоприношения.

По мере «заката общества труда» и его трансформации в «рентное общество» политическая борьба все более сводится к борьбе за перераспределение ренты. Также происходит и преобразование политических идеологий и движений в «рентный формат», свидетельством чего является рост правого и левого радикализма и популизма [1]. Но в этом случае речь идет о радикальных и даже отчасти маргинальных идеологиях, претендующих на то, чтобы изменить существующий порядок вещей. Как же обстоит дело с идеологиями мейнстримными? Здесь мы хотим показать, каким образом трансформируется в рентный формат «либерализма жертвоприношения» одна из таких идеологий – социальный либерализм.

Давно не является новостью, что в ряде современных обществ происходит «восстание меньшинств» и укореняется «культура жертвоприношения». Все новые группы, требующие льгот и привилегий на том основании, что они являются «жертвами», становятся субъектами политической жизни и социальных конфликтов. Как выразился британский историк и телекомментатор Д. Старки, «очень печально наблюдать этот бесконечный поток людей – группа за группой – желающих присвоить себе статус жертв. Это ужасно» [2].

Социокультурные процессы, которые приводят к становлению «культуры жертвоприношения», достаточно давно стали объектом внимания зарубежных исследователей. Наиболее рельефно характерные черты этой культуры описаны Б. Кэмпбеллом и Дж. Мэннингом [3].

В «культуре жертвоприношения», отмечают авторы, субъекты настаивают на своей виктимности. Таким образом они приобретают более высокий моральный статус сравнительно с преступниками. Однако в таких условиях, которые порождают каталоги микроагрессии, когда нарушители являются угнетателями и жертвами угнетенных, также повышается моральный статус жертв. Это только усиливает стимул для новых жалоб и означает, что пострадавшие стороны особенно склонны настаивать на статусе жертвы, подчеркивая свои собственные страдания и невинность. Их противники привилегиро-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

ваны и заслуживают порицания, но сами они жалки и безупречны [3. Р. 707–708].

Кэмпбелл и Мэннинг противопоставляют культуру жертвоприношения, основанную на бесконечных жалобах на «микроагрессию», культурам «чести» и «достоинства». Люди традиционалистской «культуры чести» чрезвычайно чувствительны к оскорблениям, и поэтому они полагают, что микроагрессии, даже если они непреднамеренны, являются серьезными преступлениями, требующими жесткого ответа. Однако в «культуре чести» такая чувствительность к оскорблениям сочетается с презрительным отношением к призывам о помощи. Человеку чести позорно выставить себя жертвой, нуждающейся в помощи других для отстаивания своей чести. Это почти равнозначно тому, что у него своей чести нет. Люди же гораздо более современной «культуры достоинства» (т.е. культуры, в которой уважаются и гарантируются права человека) не видят стыда в обращении к третьим сторонам, например к полиции и судам, но не одобряют такого обращения по незначительным поводам, вроде чисто словесных оскорблений. Вместо этого они обычно пытаются либо решить проблему с нарушителем без посредников путем обсуждения, либо, еще лучше, игнорировать его нападки вообще [Ibid. Р. 714–715].

«Культура жертвоприношения», в отличие от двух описанных выше, сочетает в себе высокую чувствительность даже к намекам на «оскорбление» и большую зависимость от третьих сторон. Даже непреднамеренные оскорбления должны быть доведены до сведения властей и широкой общественности. В качестве оскорблений воспринимается любая форма «доминирования». При этом виктимизация «оскорбленного» – главный способ привлечения сочувствующих. Поэтому вместо того, чтобы подчеркивать свою силу либо внутреннее достоинство, пострадавшие акцентируют внимание на собственной угнетенности и социальной маргинализации. Таким образом, жалоба третьим сторонам вытесняет как терпимость, так и переговоры. «Жертвы» все чаще требуют помощи от других и рекламируют свое угнетение в качестве доказательства того, что они заслуживают уважения и помощи [Ibid. Р. 715].

Главные опасения по поводу «культуры жертвоприношения» связаны с тем, что таким образом она породит социальный конфликт, который, в свою очередь, приведет к возникновению все более могучего, действующего принуждением правительства, которому поручено пытаться его подавить. Таким образом, это приведет к уничтожению как либерализма, так и демократии [4].

Те, кто не в восторге, осмысливают данные процессы как формирование «культуры жертвоприношения», как «восстание меньшинств», являющееся едва ли не закономерным итогом увлечения социальным разнообразием и усложнения современных обществ, как зловредную мутацию либерализма под влиянием всякого рода леваков (мотивация которых сводится к банальному рессентименту [5. С. 32–33]) и произведенной ими культурной революции. Обличая новую либеральную «культуру жертвоприношения», упрекают ее в слишком далеко зашедшем эгалитаризме и «велфэризме», которые несовместимы с человеческой природой. Распространение этой культуры объясняют тем, что люди западных обществ иррационально потребовали от правительств заботиться о них и управлять их жизнью, а не защищать их собственные права. Это заблуждение привело к массовым нарушениям этих прав и поощрению разного рода психопатологий, поскольку либеральная повестка

дня удовлетворяет различные типы патологической зависимости, усиливает примитивные чувства зависти и неполноценности, поощряет параноидальное восприятие виктимизации, реализует маниакальные иллюзии величия, использует правительственную власть ради удовлетворения частных стремлений к господству и жажды мести и удовлетворяет инфантильные претензии на права, поправки и компенсации [6]. Отмечается, что поступающие таким образом ищут себе на самом деле привилегий, а не равенства. Рекомендации оппонентов «культуры жертвоприношения» обычно сводятся к тому, что следовало бы изменить политическую культуру так, чтобы люди не воспринимали себя жертвами, а приняли ответственность за свое положение на себя.

В целом описанные процессы, как правило, либо некритически воспринимаются как неизбежный этап социального прогресса и последовательного развития либеральных принципов, либо описываются с морализаторско-консервативной точки зрения как признаки социальной деградации. Идеологическая мифология «культуры жертвоприношения» провоцирует такой же отягощенный мифологией ответ со стороны консервативных критиков. Их лицемерие заключается в представлении дела таким образом, будто не существует объективных процессов, чьими жертвами действительно являются очень многие люди. Консервативная критика говорит: «Хватит ныть, вы обленились и развратились, наслушавшись левацких идеологов. Идите работать и тогда вы добьетесь большего!», – как будто «жертвы» живут не в реальных условиях современного капитализма, а в мифической стране равенства возможностей, где каждый может достигнуть любых высот. Но объективная реальность говорит «жертвам» другое: сегодня действительно гораздо реалистичней поправить свое благосостояние путем приобретения политической ренты, чем «пахать» всю жизнь, гонясь за несбыточной «американской мечтой».

Так или иначе, консервативное морализаторство не позволяет объяснить «жертвенную» мутацию либеральной культуры иначе, чем с конспирологической точки зрения – как следствие в течение долгого времени проводимой зловердными леваками стратегии по завоеванию «культурной гегемонии» в духе Грамши [7]. Мы попытаемся объяснить ее в парадигме концепции сдвига к рентному обществу, в связи с чем «культура жертвоприношения» описывается как стратегия поиска ренты теми социальными группами, которым объективный ход вещей не оставляет иного пути.

«Культура жертвоприношения» как основание для поиска ренты

Что такое рента? В самом общем смысле это получение каких-то преимуществ, связанное не с твоими личными достижениями, а с положением в социальной структуре [8]. Положение в социальной структуре в данном случае является дающим ренту ресурсом. Обладание таким ресурсом должно быть гарантировано с правовой и, что не менее важно, с моральной точки зрения. Если в качестве ресурса рассматривается определенный социальный и политический статус, например в виде обладания административной должностью или депутатским мандатом, то речь идет о политической ренте. Последнюю путем логроллинга при принятии каких-либо законов, постановлений и тому подобного обеспечивают себе и своим сторонникам лоббирующие свои интересы группы. Это занятие – привычное дело элит:

«Поиск ренты и торговля голосами – универсальны и повсеместны. И вовсе не очевидно, что это так уж плохо» [9. С. 153].

И, конечно, понятно, что поиск такого рода ренты должен иметь под собой легитимное идеологическое обоснование – в данном случае теорию демократического представительства групп интересов, подкрепленную наличием соответствующих политических институтов. Конечно, теория и институты несовершенны, и постоянно возникает ситуация своекорыстного перераспределения ресурсов в пользу одних групп и в ущерб другим, а то и всему «обществу». Но это считается приемлемыми издержками конституционного правления: в конце концов, желающие, чтобы одеяло с них стягивали не слишком сильно, должны проявлять достаточную политическую активность.

Теперь обратимся к ситуации, в которой некий аналог политической ренты может стать доступным «низам», а не только элитам. Для извлечения ренты требуется определенный статус, который должен быть гарантирован с правовой и с моральной точки зрения. Трудно не заметить, что статус «жертвы» в «культуре жертвоприношения» полностью удовлетворяет этим требованиям. Так, О. Зур, отмечает, что «понятия „права“ и „жертвы“ часто тесно связаны», «борьба за право слишком часто означает требование *статуса* жертвы», что «заявляя о статусе жертвы и возлагая всю вину на других, человек может достичь *морального превосходства*». Далее, «по иронии судьбы, движение за права часто требует жертв от одной группы, освобождая другую», как и в том случае, когда элиты путем логроллинга, «перетягивают одеяло на себя». Наконец, жертва, апеллируя к правовой системе, рассчитывает на *выплату компенсации* [10], т.е., в сущности, ренты со своего статуса «жертвы».

Итак, «либерализм жертвоприношения», по сути, является разновидностью идеологии, обосновывающей право на получение политической ренты социальными группами, которые не обладают дающими ренту ресурсами элит, но в текущей ситуации способны моральными и политическими средствами легитимировать в качестве дающего ренту ресурса свой статус «жертвы».

Неудобный вопрос: «политика памяти» – тоже поиск ренты?

Неудобный вопрос, которого здесь, однако нельзя избежать, связан с ассоциациями, которые возникают в связи понятием «жертвы» как социальной или этнической группы, которая вправе требовать компенсаций за перенесенные страдания.

Нет сомнения, что, так сказать, технически современный поиск ренты меньшинствами восходит к тем культурным процессам, которые в настоящее время привели к формированию новой «политики памяти». Произошла «виктимизация истории», вследствие чего «традиционная история, описывавшая деяния королей и полководцев, история государства и национального величия, привилегированное орудие патриотического воспитания», уступила место «истории тех, по ком тяжелой поступью „прошла“ история политическая. Тех, кто своим трудом и страданиями оплатил ее „триумфы и трагедии“ [11]. Следствием этого является представление, что статус жертвы может стать едва ли не главным основанием для национальной, культурной, политической и социальной идентичности. «Если в старые времена в чести были победы, героизм и храбрость, то в последние десятилетия роль жертвы все

более считается доказательством моральной силы и превосходства. С ее помощью легче выдвигать свои морально-политические притязания против других народов, иногда объяснять наличием у представителей одного народа общего национального сознания их участие в установлении преступного режима или сотрудничество с ним» [12]. И прежде всего, имеется в виду Холокост, память о котором стала основанием для культивации чувства исторической вины у немцев по отношению к евреям, послужила основанием для материальных компенсаций и дала евреям в некотором смысле моральную привилегию народа-жертвы, позволяющую требовать этой компенсации. Можно сколько угодно возмущаться тем, что современные «идущие друг за другом группы» нередко пытаются выставить себя такими же «жертвами» и даже осмеливаются сравнивать себя с пострадавшими от Холокоста [10]. Однако трудно отрицать, что «когда другие группы жертв ссылаются на Холокост, то в этом проявляется... стремление к формированию парадигмы глобального характера в борьбе за признание» [13]. И все это не отменяет вопроса: почему появилось столько желающих примерить на себя роль «жертвы», а не какую-либо иную, для удовлетворения своей жажды справедливости и решения своих проблем? Почему в современных обществах статус жертвы для столь многих стал главным основанием для поиска ренты? Закономерно, что на этом фоне возмущающиеся неправомерным сравнением жертв Холокоста с современными «жертвами» начинают рассматриваться как охраняющие собственную ренту – ренту с жертв уже далекого прошлого, которую они уже в подавляющем большинстве не приносили сами.

Итак, почему даже новая «политика памяти» все больше начинает выглядеть как поиск ренты? С нашей точки зрения, это обусловлено глобальным процессом трансформации современных обществ, которая влечет за собой потерю прежней социальной субъектности у сходящих со сцены трудящихся классов, что побуждает их искать ренту в виде компенсаций за эту утрату. И не удивительно, что уже легитимированный в парадигме новой «политики памяти» путь осмысления себя в качестве жертвы (которая, по определению, радикальным образом лишена субъектности), оказывается привлекательным морально-идеологическим оправданием такого поиска.

Бурный рост «политики идентичности» и «идущие друг за другом группы», которые представляют себя жертвами», находятся в этом же ряду. Его политическим выражением является рост радикально левого и радикально правого популизма, что сопровождается переформатированием идеологического консенсуса в рентный формат. Поскольку же этот формат подразумевает трансформацию идеологий с целью наиболее эффективной легитимации борьбы за перераспределение ренты, главным в риторике радикальных политических сил является перераспределительный момент [14]. В русле этой же самой трансформации происходит аналогичная мутация в рентный формат социального либерализма, который превращается в «либерализм жертвоприношения».

Эта мутация происходит потому, что в определенном смысле ключевые социальные группы «общества труда» возвращаются к статусу «страдающих классов». Характерно, что последние, например в концепции «прекариата» Г. Стэндинга, описываются как *жертва* различных глобальных и локальных процессов, которая только в последние годы перестает осознавать себя в ка-

честве таковой и превращаться в «класс для себя» [15]. С другой, дополняющей первую, точки зрения прекариат вообще следует рассматривать не как некий «класс», а как «множество», неоднородное сцепление страдающих (и конкурирующих между собой) *меньшинств* [16].

Либерализм «страдающих классов»

Отношение к угнетенным классам как к «страдающим» характерно скорее для классического либерализма, который в лучшем случае предлагал бедным благотворительность и работные дома, но никак не видел их полноправными политическими и социальными субъектами. Аналогичным образом осуществляется регрессия давно не воспринимаемых в качестве жертв женщин в радикальном феминизме. Как замечает в связи с этим американский анархист Боб Блэк, происходит даже не фактический возврат к восприятию женщины как пассивного объекта, характерный для викторианских времен, но и, более того, к не существовавшему даже в традиционных религиях восприятию женщины как абсолютной жертвы. Тут даже не иудейское отношение к женщине как источнику скверны или средневековое христианское как к олицетворению неконтролируемой соблазнительной плоти: иудеи и христиане могли считать женщину «злом», но злом вовсе не бессильным [17].

Если мы обратимся к социальному либерализму времен его становления и расцвета, то без труда заметим его отличие от нынешнего: вслед за социализмом он не рассматривает трудящиеся классы как страдающие, напротив, признает их политическую и социальную субъектность – вплоть до права переустроить общество в соответствии со своими нуждами. Таковы же были еще в 1960-е гг. борцы за права чернокожих в США. Как отмечает социальный критик, консерватор афроамериканского происхождения Шелби Стил, герои эпохи борьбы за гражданские права не были людьми, которые воспринимали себя в качестве жертв, но воинами, готовыми противостоять самому жестокому и кровавожадному врагу [18].

Мутация современного социального либерализма заключается в том, что он одновременно считает своих подопечных «страдающими классами» и признает (и даже настаивает на этом) их социальными и политическими субъектами, которые просто обязаны пользоваться своим положением жертв для решения собственных вопросов. Вот только решение это, как было неоднократно замечено, возлагается не на самих «жертв», а на арбитра в виде государства. То есть моральное и идеологически обоснованное превосходство жертвы ведет к закреплению ее виктимного статуса, который становится основанием для требования привилегий. Либерализм жертв – в определенном смысле либерализм времен своей победы и «конца истории». В нем реализуются некоторые из потенциалов аутентичного либерализма, которые ранее не могли реализоваться, поскольку тогда либерализм был ограничен предлагающими альтернативный общественный строй оппонентами. В конечном счете такой «либерализм жертв» обращается не против несправедливого общественного строя, а против его частных проявлений. А эти частные проявления персонифицируются в каком-либо «оскорбительном» или подобном ему поведении таких же «простых людей», как и сами «жертвы». Противоречивое сочетание политической субъектности и статуса «жертвы» дает двойное преимущество по отношению к другим социальным группам, вызы-

вая их справедливое и часто даже бессознательное возмущение подобными культурными манипуляциями.

Собственно, это и есть, как неоднократно утверждали марксисты, реализация извечной мечты «эксплуаторов»: развести трудящихся по национальным, культурным, расовым, гендерным и прочим квартирам-меньшинствам, чтоб они враждовали друг с другом и не помышляли о социализме и коммунизме. Политическое оформление этой стратегии, основанное на апелляции к государственному арбитражу, превращает ее в то, что давно уже описывается в категориях «поиска политической ренты» и ведет к своего рода «рентной демократии» [19]. Но теперь этот поиск ренты становится стратегией все большего числа представителей социальных низов, а не только элитарных или приближенных к ним социальных групп, как это было ранее. Трудящиеся классы, утрачивая как свое ключевое экономическое и социальное положение, так и, вместе с ним, возможность радикального преобразования общественного строя [20], вновь становятся «страдающими классами», а затем распадаются на меньшинства, для которых единственно доступной стратегией улучшения своего положения становится поиск ренты.

Литература

1. Фишман Л.Г. Популизм – это надолго // Полис. 2017. № 3. С. 55–70.
2. Starkey D. Attacks 'Victim Status' Of Blacks, Muslims And Disabled People, Saying They Must 'Take Control' // HuffPost. 2015.11.04. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/2015/04/11/david-starkey-black-people-victims-ethnic-minorities_n_7045784.html (accessed 20.09.2017).
3. Campbell B., Manning J. Microaggression and moral cultures // Comparative sociology. 2014. Vol. 13. P. 692–726.
4. Bailey R. Victimhood Culture in America: Beyond Honor and Dignity // Reason.com. 2015.09.11. URL: <https://reason.com/blog/2015/09/11/victimhood-culture-in-america-beyond-dig> (accessed 20.09.2017).
5. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М. : СПб. : Университетская книга, 2012. 237 с.
6. Rossiter Lyle H. The Liberal Mind: The Psychological Causes of Political Madness // Evangelizationstation.com. URL: <http://www.evangelizationstation.com/Pamphlets/502%20The%20Liberal%20Mind.pdf> (accessed 20.09.2017).
7. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М. : АСТ, 2003. 444 с.
8. Сёренсен О. Структурный базис социального неравенства / пер. с англ. Л.Г. Фишман, Е.А. Вахрушева // Научный ежегодник ИФиП УРО РАН. 2016. № 3. С. 61–97.
9. Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты / пер. с англ. Л. Гончаровой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 224 с.
10. Zur O. Rethinking «Don't Blame the Victim»: Psychology of Victimhood // Journal of Couple Therapy. 1994. № 4 (3/4). P. 15–36. URL: <http://www.zurinstitute.com/victimhood.html> (accessed 20.09.2017).
11. Копосов Н. Политика памяти и мемориальные законы // Gefter.ru. 2012.28.02. URL: <http://gefter.ru/archive/3302> (дата обращения: 20.09.2017).
12. Эгберт Ян. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории / пер. с нем. М.А. Елизарьевой. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 359 с.
13. Ассман А. Длинная тень прошлого : мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
14. Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Политика. 2016. № 3. С. 116–129.
15. Guy Standing: About societies where every man, woman and child have an unconditional basic income // Strelka.com. 2016.11.29. URL: <http://strelka.com/en/magazine/2016/11/29/standingprecariat> (accessed 20.09.2017).
16. Raunig G. The Monster Precariat // Translate.eipcp.net. 2007.10.03. URL: <http://translate.eipcp.net/strands/02/raunig-strands02en#redir> (accessed 20.09.2017).
17. Black B. Feminism as Fascism // Inspiracy.com. URL: <http://www.inspiracy.com/black/abolition/feminism.html> (accessed 20.09.2017).

18. *Shelby Steele On Race And The Exhilaration And Terror Of Freedom* // Thefederalist.com. 2014.05.27. URL: <http://thefederalist.com/2014/05/27/shelby-steele-on-race-and-the-exhilaration-and-terror-of-freedom/> (accessed 20.09.2017).

19. *Мартынов В.С.* Рентная демократия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2016. Т. 16, № 3. С. 41–60.

20. *Митчел Т.* Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. М. : Дело, 2014. 401 с.

Leonid G. Fishman, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: lfishman@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 94–102.

DOI: 10.17223/1998863X/44/9

VICTIMHOOD AND RENT

Keywords: social liberalism; political rent; victimhood culture.

With the “decline of labour society” and its transformation into the “rental society”, the political struggle comes down to a struggle for the redistribution of rents. Political ideologies and movements also undergo a transformation into a “rental format”, as evidenced by the growth of right and left radicalism and populism. The article shows how exactly the transformation of social liberalism into the rental format of “victimhood liberalism” occurs. The article describes the most characteristic features of the “victimhood culture”, under the influence of which this transformation takes place. In the “victimhood culture”, subjects insist on their victimisation. Thus, they acquire a higher moral status than criminals. In a situation where violators are oppressors and victims of the oppressed, it also increases the moral status of victims. This reinforces the incentive for new complaints and means that oppressed parties are particularly inclined to emphasise their victim status. The “victimhood culture” combines high sensitivity even to hints of “insult” and greater dependence on third parties. One perceives any form of “domination” as an insult. Victimisation of the “insulted” is the main way to attract sympathisers. Therefore, instead of emphasising one’s strength, or internal dignity, victims emphasise their oppression and social marginalisation. This study regards “victimhood liberalism” as an ideological rationalisation for the search for political rent by various kinds of “minorities”. In it, the status of the victim is a resource that gives rent. The mutation of modern social liberalism lies in the fact that this kind of liberalism simultaneously considers its subjects as “suffering classes” and accepts them as social and political subjects who are obliged to use their position of victims to solve their problems. The political design of this strategy, based on an appeal to state arbitration, turns it into a search for political rent. But now this search is becoming a strategy of an increasing number of people from the lower classes, and not just from elite groups and their close associates.

References

1. Fishman, L.G. (2017) Populism will be long lasting. *Polis – Polis. Political Studies*. 3. pp. 55–70. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04
2. Starkey, D. (2015) *Attacks ‘Victim Status’ Of Blacks, Muslims And Disabled People, Saying They Must ‘Take Control’*. [Online] Available from: http://www.huffingtonpost.co.uk/2015/04/11/david-starkey-black-people-victims-ethnic-minorities_n_7045784.html. (Accessed: 20th September 2017).
3. Campbell, B. & Manning, J. (2014) Microaggression and moral cultures. *Comparative Sociology*. 13. pp. 692–726. DOI: 10.1163/15691330-12341332
4. Bailey, R. (2015) *Victimhood Culture in America: Beyond Honor and Dignity*. [Online] Available from: <https://reason.com/blog/2015/09/11/victimhood-culture-in-america-beyond-dig>. (Accessed: 20th September 2017).
5. Ionin, L.G. (2012) *Vosstaniye men'shinstv* [A Revolt of Minorities]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
6. Rossiter, L.H. (n.d.) *The Liberal Mind: The Psychological Causes of Political Madness*. [Online] Available from: <http://www.evangelizationstation.com/Pamphlets/502%20The%20Liberal%20Mind.pdf>. (Accessed: 20th September 2017).
7. Buchanan, P.J. (2003) *Smert' Zapada* [The Death of the West]. Translated from English by A. Bashkirov. Moscow: AST.

8. Sorensen, O. (2016) Structural basis of social inequality. *Nauchnyy yezhegodnik IFiP URO RAN – Research Yearbook of The Institute of Philosophy and Law. The Urals Division of the Russian Academy of Sciences*. 3. pp. 61–97. (In Russian).
9. Tullock, G. (2011) *Obshchestvennyye blaga, pereraspredeleniye i poisk renty* [Public goods, redistribution and search for rent]. Translated from English by L. Goncharova. Moscow: Gaydar Institute.
10. Zur, O. (1995) Rethinking “Don't Blame the Victim”: Psychology of Victimhood. *Journal of Couple Therapy*. 4(3/4). pp. 15–36. [Online] Available from: <http://www.zurinstitute.com/victimhood.html>. (Accessed: 20th September 2017). DOI: 10.1300/J036v04n03_03
11. Koposov, N. (2012) *Politika pamyati i memorial'nyye zakony* [Politics of Memory and Memorial Laws]. [Online] Available from: <http://gefter.ru/archive/3302>. (Accessed: 20th September 2017).
12. Egbert, I. (2014) *Spornyye politicheskiye voprosy s tochki zreniya sovremennoy istorii* [Controversial political issues from the point of view of modern history]. Translated from German by M.A. Yelizaryeva. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
13. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
14. Fishman, L.G. (2016) Decline of “Work Society”: Current Ideological Constellation. *Politiya – Politeia*. 3. pp. 116–129. (In Russian).
15. Sivtsova, A. (2016) *Guy Standing On Societies Where Every Man, Woman and Child has an Unconditional Basic Income*. [Online] Available from: <http://strelka.com/en/magazine/2016/11/29/standingprecariat>. (Accessed: 20th September 2017).
16. Raunig, G. (2007) *The Monster Precariat*. [Online] Available from: <http://translate.eipcp.net/strands/02/raunig-strands02en#redir>. (Accessed: 20th September 2017).
17. Black, B. (1983) *Feminism as Fascism*. [Online] Available from: <http://www.inspiracy.com/black/abolition/feminism.html>. (Accessed: 20th September 2017).
18. Masciotra, D. (2014) *Shelby Steele On Race And The Exhilaration And Terror Of Freedom*. [Online] Available from: <http://thefederalist.com/2014/05/27/shelby-steele-on-race-and-the-exhilaration-and-terror-of-freedom/>. (Accessed: 20th September 2017).
19. Martyanov, V.S. (2016) Rent Democracy. *Nauchnyy yezhegodnik IFiP URO RAN – Research Yearbook of The Institute of Philosophy and Law. The Urals Division of the Russian Academy of Sciences*. 16(3). pp. 41–60. (In Russian).
20. Mitchell, T. (2014) *Uglerodnaya demokratiya. Politicheskaya vlast' v epokhu nefi* [Carbon Democracy Political Power in the Age of Oil]. Translated from English by D. Krachekhin. Moscow: Delo.